

Фрэнк Б. Линдермэн

Много Подвигов: вождь племени Кроу

перевод с английского Стукалина Ю.В.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Много Подвигов (Алик-чея-ахуш) был вождем Кроу (Абсарока) еще в те времена, когда я ничего не слышал о них. Вероятно, он был последним законным вождем, в изобилии видевшим прежнюю жизнь прерийных индейцев, и я записал его рассказ - все как он говорил мне - чтобы сохранить подлинные деяния его жизни.

Я убежден, что ни один из белых людей, никогда полностью не познал индейца, и работа, подобная этой, страдает из-за слишком разных взглядов на жизнь, которых придерживаются две расы, краснокожая и белая. Я изучал индейца более сорока лет, не с холодком, а с симпатией, но даже сейчас мне кажется, что я недостаточно знаю о нем. Он много раз говорил мне, что я понимаю его, что «чувствую его сердце», но я не уверен, что это так.

Прочитав «Илиаду», Наполеон сказал: «Меня особенно поразили грубые манеры героев, в сравнении с их возвышенными размышлениями». Тем же контрастом удивляет нас и индеец, ставя в тупик при нашей окончательной оценке расы, которую мы завоевали - у которой мы могли бы поучиться, если бы попытались.

Теперь слишком поздно. Реальный индеец ушел в прошлое, а в записках их потомков о той жизни, которую писатели не могли знать, довольно трудно определить, где правда, а где ложь.

Кроу, как племя, всегда было дружелюбно к белым людям, и лишь однажды племя проявило враждебность. Это была нелепая попытка (1834г.) заморить голодом торговцев Американской Мехающей Компании в укреплении, располагавшемся в верховьях реки Миссури, из-за того, что Компания построила его на территории их злейших врагов Черноногих. Они не обстреливали белых и не нападали на пост, а просто тихо окружили его и поставили свои палатки, которые спустя десять дней были рассеяны единственным пушечным ядром, попавшим в середину их лагеря.

I

Койот Бежит и Заплетенный в Косу Скальповый Локон помогли Много Подвигов сесть в тени высоких деревьев, окружавших его хижину на Ручье Стрелы.

- Я рад, что ты пришел, Говорящий Знаками, - сказал он и его почти слепые глаза повернулись в мою сторону. - Много людей, и из моего народа, и из твоего, просили меня рассказать тебе историю моей жизни. Я обещал сделать это и послал за тобой. Но почему ты хочешь записать мои слова, Говорящий Знаками?

Малейшее подозрение, что его рассказ может обернуться против него или его народа, и мне не удастся получить правдивую историю прежней жизни прерийных индейцев. Мой ответ должен быть правдивым и продуманным.

- Потому что я не верю, что существует какая-либо написанная история о жизни индейского вождя, - ответил я. - Если ты расскажешь мне то, что я хочу знать и я запишу это, мой народ сможет лучше понять твой народ. Рассказы, которые я написал о Есакавате и Кроу, помогли белым детям познакомиться с детьми твоего племени. Лучшее взаимопонимание между нашими народами принесет пользу им обоим. Твоя история поможет людям моей расы понять людей твоей расы.

Сороки, тараторили над красным мясом, висевшем на подставках для заготовки на сухом воздухе, а собаки вождя, ревностные и шумные, гонялись под ними. Подачками, собаки получают гораздо меньше охраняемого ими мяса, чем сороки воровством.

- Ты мой друг, Говорящий Знаками. Я расскажу тебе то, что ты хочешь знать, а ты сможешь записать это, - в конце-концов сказал Много Подвигов.

- Койот Бежит и Обыкновенный Бык будут сидеть с нами каждый день, - добавил он. - Я старый человек и они будут помогать мне вспоминать.

- Хорошо! - согласился я, будучи рад их компании. Они знали Много Подвигов всю свою жизнь и отличались друг от друга, насколько могут отличаться два человека. Худощавый Обыкновенный Бык был скромным человеком, а его изрезанный шрамами лоб, напоминал о деятельной жизни. Койот Бежит был высоким и крепким, с глубоким голосом и агрессивными манерами. Оба были стариками, и оба выразили удовлетворение решением вождя рассказать мне свою историю.

- Если ты скажешь не все, если что-то забудешь, я дотронусь до твоего мокасина своим, - серьезно предупредил старого вождя Койот Бежит. - Мы доверяем Говорящему Знаками. Начни сначала. Ты погрузился в землю до подмышек. В видении тебе сказали, что ты не будешь иметь собственных детей, но Кроу, все племя, станет твоими детьми. Магическое видение указало путь твоей жизни, и ты последовал по нему. Начни сначала.

«Ему больше восьмидесяти лет», - подумал я, когда лицо вождя, повернувшееся к говорящему, оказалось в профиль ко мне. Его решительные рот и подбородок, внушительный нос и широкий, мужественный лоб могли служить моделью для героического медальона. Широкополая шляпа с трепетавшим в ней орлиным пером, скрывала очертания его головы. Седые, заплетенные в косы волосы спадали на его широкие плечи. Он был могучим человеком, но теперь годы немного сгорбили его. Широкая грудь и длинные руки, говорили мне, что в свои лучшие годы, Много Подвигов знал мало равных себе по физической силе среди Кроу. Мог ли он, учитывая полное отсутствие одного глаза и катаракту другого, разглядеть Койот Бежит, я не знал.

Сняв шляпу, он положил ее на траву рядом с собой и, оперевшись на ручки кресла для большей устойчивости, поднялся. Мы все встали. Его красивая голова поднялась и он повернулся, как если бы его почти слепые глаза могли видеть землю, так любимую им.

- В этот прекрасный день, с этими цветами, солнечным светом и зеленой травой, разумный человек должен говорить прямо со своими друзьями. Я начну сначала, - сказал он и опустился в кресло.

Воцарила тишина, словно они ожидали меня. Койот Бежит начал набивать трубку, не глядя свои на руки. Множество вопросов пришли мне на ум, но я отбросил их, стараясь быть последовательным.

- Где ты родился? - спросил я.

- Я родился за восемьдесят снегов до этого лета (1848г.), в месте, которое мы называли Утес, Не Имеющий Перевала, - медленно начал Много Подвигов. - Это недалеко от сегодняшнего Биллингса. Мою мать звали Женщина-Выдра, а отца - Магическая Птица. Я забыл имя одной из моих бабушек, но имя ее мужа, моего деда, помню. Звали его Койот

Появляется. Вторая бабушка, сама принадлежавшая к племени Кроу, вышла замуж за Шошона. Ее звали Это Могло Случится. Она была матерью моей мамы.

Несколько лет назад я слышал, что Много Подвигов не был чистокровным Кроу и имел среди предков Шошона. Я знал, что у племен Северо-Запада, по крови матери судили к какому племени, и к чьей семье принадлежит человек, и воспользовался удобным случаем, чтобы убедиться в этом.

- Имея в себе кровь Шошона, ты считал себя чистокровным Кроу? - спросил я.

- Да, - ответил он. - Ты белый человек и думаешь о моем деде Шошоне, но припомни, что его женщина, моя бабушка, была Кроу, так же как и все женщины моей семьи.

- Каковы твои самые ранние воспоминания? - спросил я, чувствуя, что перебиваю его своим вопросом.

Он улыбнулся, держа готовую трубку.

- Игра, - сказал он счастливо. - Все мальчишки одинаковы. Их сердца молоды и заставляют их петь. Мы часто переезжали с места на место, и это доставляло мне и моим сверстникам огромную радость. Как только глашатай проезжал по селению и объявлял, чтобы люди готовились к отъезду, я отыскивал своих юных друзей и мы начинали быстро ловить лошадей, которых пригоняли табунчики. Палатки быстро разбирали, пожитки грузили на лошадей и травуа, а затем мы отправлялись на какое-нибудь новое место, которое мы - мальчишки, никогда прежде не видели. Длинная цепочка вьючных лошадей и травуа растягивалась дальше, чем мы могли видеть, собаки и табуны свободно отпущенных лошадей растекались по просторным прериям или поднимались вверх по горной тропе к некой таинственной цели, и это заставляло петь наши сердца.

Единственное, что омрачало нас - мы должны были путешествовать вместе с женщинами и травуа. Молодые воины, скача на горячих лошадях, чьи копыта едва касались земли, проносились мимо нас и, покрасовавшись перед молоденькими женщинами, уносились прочь. А наши матери начинали переговариваться между собой так, чтобы мы могли слышать.

- Этот юноша на белом коне - Маленький Волк, сын Магической Женщины, - говорила какая-нибудь из них с восхищением. - Он храбр и так красив.

- Да, и он уже заработал «ку» и может жениться когда захочет, - гордо говорила другая.

- Подумайте только! - восклицала еще одна мамаша. - Он видел всего двадцать снегов. О!
- и она, вероятно, прикрывала ладонью рот, что было знаком удивления.

Такие разговоры между мамашами подстегивали нашу решимость отличиться, и заставляли нас желать побыстрее вырасти. Это происходило постоянно - подобные разговоры между взрослыми, мужчинами и женщинами, - а мы постоянно слушали. При перекочевке, в селении, повсюду, мы слышали восхваления ловкости и отваге. Наши мамы говорили при нас о деяниях сыновей других женщин, а мужчины рассказывали истории о храбрости и силе духа других воинов до тех пор, пока слушавший мальчик не был готов с радостью умереть, лишь бы его имя произнесли вожди на совете или даже женщины в своих палатках.

Все чаще и чаще мы, мальчишки, собирались вместе, поговорить и поиграть. Мы рассуждали о войнах и войне, а целью наших игр всегда была подготовка к тому, чтобы стать воином. У нас, так же как и у наших отцов, были предводители, и становились они нашими вождями точно так же, как мужчины становились вождями - проявив себя.

Радость, отразившаяся на лице Много Подвигов, когда он начал вспоминать о детстве, исчезла с его лица.

- Мои люди были мудры, - сказал он задумчиво. - Они никогда не пренебрегали своими детьми и не уставали рассказывать им о подвигах знаменитых воинов племени. Наши учителя были старательны и тщательны. Ими были наши деды, отцы и дяди. Они всегда с готовностью восхваляли превосходство, при этом не говоря слов, которые могли бы сломать дух менее одаренного мальчика. Тому, кто не понял что-либо, объясняли это вновь и вновь, с еще большей тщательностью.

Возраст для индейца - это свидетельство опыта и мудрости. Даже изборожденные шрамами воины, с глубоким уважением будут слушать совет старцев, подобно тому, как индейский мальчик, воспринимает слова старших.

- Твои первые уроки были связаны с луком и стрелами? - спросил я, стараясь вернуть его к мыслям о детстве.

- О, нет. Наша первая задача была научиться бегать, - ответил он, и его лицо вновь осветилось радостью. - Очень хорошо помню свой первый урок, и как я был горд, потому что мой дедушка обратил на меня внимание. Это произошло летом. Окружающий мир тонул в зелени и был очень красивым. Я играл с другими мальчиками, и дедушка остановился понаблюдать за мной. «Сними свою рубаху и леггинсы», - сказал он мне. Я повинился и остался в одних мокасынах. «Теперь поймай мне эту желтую бабочку. - приказал он. - Будь быстр!»

Я побежал за желтой бабочкой. Насколько же быстры и хитры эти создания! Летая среди деревьев и кустов, через потоки и заросшие травой поляны, то низко над землей, то взлетая над моей головой, бабочка далеко завела меня, прежде чем мне удалось поймать ее. Тяжело дыша, но стараясь скрыть это, я протянул ему зажатую в руке бабочку, и он зашептал мне, как будто выдавал что-то секретное: «Вотри ее крылья над своим сердцем, сынок, и попроси бабочек, чтобы они дали тебе свою грацию и быстроту».

Индейцы Северо-Запада (шт.Монтана и окружающая территория) верят, что Всемогущий дал своим созданиям некое специфическое качество, или силу, которые, по крайней мере частично, можно получить от них. Видимо, в первую очередь отсюда, как мне кажется, происходят заявления белых людей, что индеец поклоняется множеству богов. Я изучал индейца более сорока лет и пытался понять его. Они верят в одного Бога и много раз говорили мне, что ничего не слышали о дьяволе, пока «Черные Сутаны не принесли его» в их страну. Тем не менее, индеец верит в существование созданий, обладающих злыми силами. Некоторые племена не любят сов, считая их нечистью. Другие не видят в них ничего плохого, а наоборот, уважают.

- О, Бабочки, даруйте мне свою грацию и быстроту! - повторял я, втирая сломанные крылья над своим сердцем, которое было готово вырваться наружу. Я знал, что если это даст мне грацию и быстроту, я наловлю много бабочек. Но вместо того, чтобы держать секрет, я разболтал его своим друзьям, как и предполагал мой дедушка. И сколько после этого, мы, мальчишки, переловили их, чтобы втереть над своим сердцем. Мы гонялись за бабочками, чтобы получить выносливость в беге, натирали грудь их крылышками и просили бабочек дать нам часть их силы. Мы очень старались, потому что бег необходим в охоте и на войне. Среди своих друзей я никогда не был самым быстрым, но мало кто мог пробежать дальше меня.

- Бег важнее, чем плавание? - спросил я.

- Да, но плавать интереснее. Во все времена года, большинство мужчин ходили купаться перед рассветом. Для мальчишек там было много учителей. Правда, иногда нам приходилось тяжело. Часто они посылали нас плавать среди кусков льда, и это учило нас заботиться о своем теле. Холод укрепляет мужчину. Зимой охотники на бизонов растирают руки песком и снегом, чтобы пальцы не были заскорузлыми во время стрельбы из лука.

Мы стремились учиться и у людей, и у зверей, которые в чем-то превосходили других, и делали это постоянно. Но плавать было интереснее всего, поэтому мы занимались этим чаще всего. Каждый раз, когда чьему-либо отцу удавалось поймать бобра, мальчик брал хвост и приносил его нам. Затем мы по очереди шлепали плоским бобринным хвостом по суставам и мышцам, пока удары не начинали обжигать их. «Научи нас своей Силе в воде, о Бобр!» - говорили мы, испытывая жгучую боль.

Одетая в платье из розового ситца и красную шаль женщина подошла к вождю и передала небольшую, наполненную коробку, содержимое которой мне было неизвестно. Делая это, женщина быстро что-то проговорила высоким голосом, как будто была взволнована или рассержена. Вождь молча принял коробку. Он положил ее на траву рядом со шляпой, а женщина ушла. Ни Койот Бежит, ни Обыкновенный Бык никак не прокомментировали произошедшее, а поскольку женщина не сопровождала свою быструю речь жестами, мне приходилось лишь надеяться, что ее визит не очень отвлечет вождя от его рассказа. Старик продолжил говорить, словно его и не прерывали.

- Помню день, когда мой отец подарил мне лук и четыре стрелы. Лук был легким и маленьким, а стрелы тупыми и короткими. Но я очень гордился ими, потому что лук, хотя и был маленьким, но во-всем остальном походил на отцовский. Сделан он был из кедра и аккуратно укреплен сухожилием, что делало его более сильным.

- Покажи мне, как ты держишь лук и стрелу, - попросил я.

- Нужно чтобы обе руки и кисти работали вместе - одновременно, - сказал он. - Левая должна толкать вперед, а правая тянуть в тот же момент (вот так). Левая рука, должна держать лук посередине. Правая рука, ладонью к левой, пальцами накладывает стрелу (вот так) на центральную часть тетивы, не глядя на нее.

Скорость в стрельбе была очень важна, так как и на войне, и на охоте, человек должен был быстро послать после первой стрелы вторую. Нас учили держать в левой руке, вместе с луком одну или несколько стрел. Их держали наконечниками вниз, перьями вверх, чтобы острые концы не ранили левую руку, когда правая берет стрелы и натягивает их. Иногда воины держали дополнительные стрелы во рту. Это было быстрее, чем вытягивать их из висящего за спиной колчана, но такой метод применяли только на войне или в опасных ситуациях.

Лук был наилучшим оружием для охоты на бизонов. Даже белые люди старого времени, имевшие только заряжающиеся с дула ружья, быстро переняли лук и стрелы, и стали использовать их для охоты на бизонов. Но чтобы вогнать стрелу глубоко в туловище бизона, необходимы могучая рука и крепкое запястье. А я часто видел, как стрелы пробивали его насквозь.

Индийский охотник на бизонов, скача на лошади, всегда пытается послать свои стрелы вперед-вниз в живот бизона. При метком попадании, они не натываются на кости и часто входят в туловище по оперенье, а иногда - навывлет. Выстрел в брюхо не убивает бизона мгновенно, но это смертельное ранение и через некоторое время животное упадет.

Первые белые трапперы и охотники, попавшие в прерии, переняли лук и стрелы для охоты на бизонов, потому что скача на лошади было практически невозможно зарядить ружье с дула, особенно в ветренные дни.

- Сколько тебе было лет, когда тебе вручили первый настоящий лук? - спросил я.

- Семь, - ответил старик. - Когда мне было семь лет, отец купил у белого торговца на Лосиной Реке отличные металлические наконечники для моих стрел. Торговца звали Бугорчатая Шея.

Кроу называли р.Йеллоустон «Лосиной Рекой», а упомянутым Много Подвигов торговцем, вероятно был Чарлз Ларпендер, который, как мне сообщил знавший его человек, страдал зобом. Ларпендер торговал вдоль Йеллоустона до конца шестидесятых.

- Но твой лук тогда еще не был очень мощным? - спросил я.

- Конечно нет, - засмеялся Много Подвигов, - но мне он казался сильным, по крайней мере гораздо сильнее, чем мой первый лук. Около рек мы охотились на оленей, а на равнинах выслеживали антилоп. К тому же, наши учителя все еще заставляли нас каждый день заниматься стрельбой.

Иногда, когда в лагере сушилось много мяса, дядя или дедушка кого-нибудь из мальчишек проходил по селению и велел нам тайно собраться на берегу реки. Выбранное им место всегда находилось в тени леса. Как только мы узнавали об этом, то прокрадывались в палатки своих отцов и воровали волчьи шкуры, а затем бежали к назначенному месту, чтобы встретить учителя. Мы знали, что должно произойти, но каждый раз воспринимали приключение по-новому и, как тени, проскальзывали из селения к лагерю на берегу реки.

Наш учитель сам когда-то был мальчишкой и понимал, что мы чувствуем. После того, как все собирались, мы рассаживались, готовые выслушать, что он скажет. Тот, кто не был мальчишкой, не сможет понять ту дрожь, которая охватывала нас, когда учитель вставал, чтобы обратиться к нам, как к настоящим воинам. Он не говорил «мясо», а называл его «лошади». Его речь звучала приблизительно так: «Юноши, рядом с нами вражеское селение. Наши Волки (разведчики) видели его и насчитали много прекрасных лошадей, привязанных рядом с палатками. Чтобы сделать «ку», вам надо пробраться в селение и срезать лошадь. Посмотрите! У меня есть несколько прекрасных шестов для «ку». И он показывал несколько очищенных от коры палочек с привязанными к ним «перьями вдоха» военного орла.

Проникнуть во вражеское селение и перерезать веревку, удерживающую лошадь, называлось «срезать лошадь». Это деяние засчитывалось, как «ку», в то время как кража одной или даже табуна пасущихся в прерии лошадей - не достаивались такой чести. «Перьями вдоха» назывались пуховые перышки орла или любой другой птицы.

- Рубахи и леггинсы летели на землю и, пока учитель раскрашивал наши тела грязью, никто не издавал ни звука - ни разговоров, ни смеха - только тщательно скрываемое волнение. Из грязной земли он делал нам на голове уши, как у волков. Когда земля подсыхала, она становилась серой и очень походила на окрас волка. Мы вставали на четвереньки, и учитель покрывал наши спины украденными из отцовских палаток волчьими шкурами. Хо! Теперь мы были настоящими Волками Кроу!

Мы рассеивались, и каждый мальчик испытывал нервную дрожь, известную даже взрослым воинам перед битвой. И в раннем возрасте, и в зрелом, эти ощущения одинаковы. Я знаю по себе. Никогда не забуду, как впервые отправился воровать мясо.

- Теперь, - сказал наш учитель, когда все мы были готовы, - вы Волки! Будьте осторожны. Опасайтесь старух. Возвращайтесь с хорошими «лошадьюми» и я устрою для вас пиршество.

- Было это в конце лета, а наше селение располагалось на Лосиной Реке. Стойки с сохнувшим мясом тянулись по всему лагерю и я вскоре оказался рядом с ними, высматривая возможность стянуть хороший жирный кусок. Но каждый раз мне казалось, что чуть подальше я вижу более жирное мясо, и, подражая волку, я крался туда, чтобы обнаружить кусок ничуть не лучше прежних. В конце концов я сказал себе: «Это не дело - кто-нибудь увидит. Я беру этот кусок и ухожу».

Но как только я вцепился в мясо, из палатки, стоящей на другом конце стойки, вышла старуха. Я замер. Свешивающаяся с плеча волчья шкура щекотала мои обнаженные ноги. Я не верил, что старуха заметила меня, но она почувствовала что-то неладное и стала осматриваться, как будто уловила какой-то запах в дуновении ветра. Подняв палку, старуха повернулась, чтобы вернуться в палатку и снова несколько раз посмотрела из стороны в сторону. Я думал, она войдет внутрь, но не тут то было.

- Хо! Хо! - заорала она, бросив свою палку. - Сороки! Сороки! Следите за своим мясом!

Я был уверен, что она не заметила меня, но оставаться там все же не мог. Тихо опустившись на четвереньки, я пополз прочь, так и не взяв мяса. Прежде чем мне удалось добраться до густых зарослей, из палаток повыскакивали женщины и начали переговариваться друг с другом, как будто ожидали, что их сейчас убьют. Тут-то меня и схватила за руку та старуха.

- Ты кто? - спросила она, всматриваясь острыми как ножи глазами в мое вымазанное грязью лицо.

Я не ответил, даже когда она сдавила мне руку и затрясла, пока не затрещали мои ребра.

- Ха-ха-ха! - засмеялась она и потащила к реке. - Я все равно это узнаю, когда отмою тебя.

Старуха оказалась сильной и легко удерживала меня, пока мыла мое лицо.

- А, так это ты, да? - проворчала она, когда стали проглядывать черты моего лица. - Думаю, я узнаю тебя. Ха! Я дам тебе немного мяса. Хороший кусок!

Она так и сделала. Когда я вернулся, у меня оказался самый лучший кусок, но я не мог сказать, что украл его, потому что мое лицо было чисто вымытым.

Среди равнинных племен разведчиков называют «Волками» и гримируются они именно так. Волки были повсюду, но старались оставаться незамеченными. На языке жестов, знак для «разведчика» и «волка» практически одинаков.

Несведущим индеец кажется стойком, но они ошибаются. Индеец - нормальный человек и любит пошутить. Среди своих друзей он смеется с такой же готовностью, как и его белый брат. Довольное хихиканье Много Подвигов, когда он рассказывал о старухе, вымывшей его лицо, было несдерживаемым и заразительным. Однажды я послал к нему гонца, передать, что если наш переводчик не сдержит слова и не пришлет мне необходимую информацию, я могу состариться и умереть прежде, чем эта книга будет закончена. Он ответил через гонца: «Я понимаю твои чувства. Я сам умираю от старости, ожидая выполнения обещаний правительства, данных им, когда я еще был младенцем. Но разве кто-нибудь слышал о младенцах, умирающих от старости?»

- Это были счастливые дни, - сказал Много Подвигов, возвращаясь к своему рассказу. - Когда к месту сбора возвращался последний мальчик, учитель внимательно проходил мимо груды украденного мяса и изучал каждый кусок по отдельности, как будто осматривал лошадей!

- Хо, это очень хороший табун лошадей! Действительно, очень, очень хороший! Хо! А вот это и вовсе великолепная лошадь! Кто украл ее?

- Я, - отвечал один из мальчиков.

- Хорошо! Возьми этот шест и сделай «ку».

Счастливчик брал шест и втыкал его в землю перед собой.

- Я украл эту прекрасную лошадь, - говорил он, пока мы приветствовали его, как будто он действительно срезал лошадь во вражеском селении. Наш учитель всегда был скуп с шестами для «ку» и зачастую давал его только за лучший кусок.

Затем мы пировали и ели украденное мясо, каждый при этом рассказывал, что произошло с ним в селении, и как он себя вел. Никогда не ел ничего вкуснее того мяса. Украденное мясо, поджаренное нашим учителем, было самым жирным и лучше приготовленным, чем какое-либо другое. Но мы очень много трудились. Сегодня мальчики уже не перенапрягают себя так, как это делали мы. По-моему, им все равно, насколько крепки их тела.

Мы не знали, когда кто-нибудь из учителей позовет нас. Чаще всего это происходило по утрам - холодным и дождливым. Мы сидели у костров в отцовских палатках, когда кто-нибудь из учителей кричал: «Сороки! Выходите!» И мы выскакивали наружу, готовые следовать за ним куда угодно. Он мог повести нас к реке, где плавало много льдин, и кинуть в воду пригорюнную зачищенных палочек, крикнув при этом: «Сороки! Достаньте их!»

Пока мы скидывали рубахи и леггинсы, учитель говорил нам, что мальчик, который принесет ему самое большое количество палочек, может получить «ку». Никто не ждал и не увиливал. Мы кидались в кишашую льдинами воду. Чем с большим количеством трудностей мы сталкивались, тем лучше было для нас, потому что это вынуждало нас пользоваться не только мускулами, но и головой.

Сороки вечно следовали за индейцем и доставляли массу хлопот, воруя сушившееся на стойках около палаток мясо. Термин «сороки», по отношению к мальчикам, означал «озорные, упорные».

- Однажды утром, когда мне было восемь лет, нас собрал мой дедушка. Днем раньше он убил медведя гризли и, когда мы собрались вокруг него, я увидел, что старик держит в руке медвежье сердце. Мы все хорошо знали, что нас ждет, потому что каждый воин Кроу съедает кусочек сердца гризли, после чего мог честно сказать: «У меня сердце гризли!» И я говорю так же, когда сталкиваюсь с трудностями - даже сегодня - и это помогает мне сохранить холодный рассудок. Это очищает мой разум и мгновенно успокаивает меня.

Большинство племен прерий практикуют этот обычай. Гризли всегда «в здравом уме», рассудителен, и готов к мгновенной схватке даже с превосходящим его противником, и только что разбуженный. Поэтому, съев сырое сердце гризли, воин приобретает умение владеть собой - величайшее из человеческих качеств. Я знаю одного старого воина, который рассказал мне, что однажды съел маленький кусочек человеческого сердца - сердца чрезвычайно храброго врага и, что он много раз видел, как это делали другие, когда был молодым воином. Тем не менее, он не был Кроу.

- Я чувствовал, что стал сильнее, увереннее в себе и хладнокровнее с того дня, как съел кусочек сердца медведя. Я верил, что скоро меня возьмут в военный поход, поэтому начал играть в войну со своими друзьями. Я надеялся стать вождем даже тогда, и в своих действиях во время игр не позволял себе быть несправедливым к своим товарищам. Я старался превзойти их во всем, но при этом старался, чтобы они замечали мою беспристрастность. Вскоре я стал их лидером и они произносили мое имя с уважением.

Мой дедушка, давший мне имя, сказал матери, что что я доживу до старости и сделаю много «ку». Кроме того, его видение показало ему, что я стану вождем. «Я называю его Алеек-чеа-ахуш (Много Подвигов)», - сказал он моей матери, - «потому что в своем видении, я видел, как он сделал много «ку»». Конечно, все люди знали об этом, и даже будучи мальчиком, я чувствовал, что должен превзойти своих друзей, стать лидером среди сверстников и жить согласно своему имени. Поэтому я начал думать о поиске видения.

Индейцы Северо-Западных равнин очень верят в сны и видения. Подготавливая себя к «магическим видениям», они голодают и истязают тело, а затем в одиночку отправляются в какое-нибудь трудно достигаемое место, чаще всего на вершину горного утеса. Там, без

пищи и воды, они проводят четыре дня и четыре ночи, взывая к «помощникам». Их физическое и умственное состояние неуравновешенно и ослабленно из-за отказа от пищи, и от расслабляющих палаток-потения. Возникающие в результате видения сверхъестественны и зачастую пугающи, хотя иногда они удивительно пророческие. В магическом видении появляется какое-либо животное, птица или «существо», которое предлагает «помощь». Порой эти призраки дают советы или иносказательно учат страждущего, а потом «Мудрейшие» (шаманы) объясняют смысл видения. После этого, или пока человек не получит более сильного видения (что случается крайне редко), предложившее помощь существо является его «MEDICINE» (англ.- медицина, лекарство, амулет, талисман, магия) или магическим помощником.

Но термин «medicine» часто сбивает с толку. Он не подразумевает «лечебный». Скорее, он несет защитную функцию. Это талисман или амулет, кусочек счастья, с которым не расстанется ни один старый индеец. Он всегда держит его поближе к себе.

- Как-то раз, когда черемуха была черной, а сливы красными, мой дедушка проехал по селению и назвал двадцать имен старших мальчиков. Охотники на бизонов уехали из лагеря еще на рассвете и мы сразу догадались, что нам предстоит делать. «Садитесь на лошадей и поезжайте за мной», - сказал дедушка, выезжая на равнины.

Мы быстро скакали, но ничего не видели, пока дедушка не проехал через холм. Там мы заметили кольцо всадников диаметром в сотню ярдов, в центре которого стоял огромный самец бизона. Мы знали, что раненый и раздраженный бык очень опасен и увидев, как он бросает вызов сидящим на лошадях охотникам, мы начали побаиваться предстоящего сурового испытания.

Круг разделился и наш маленький отряд проехал внутрь него. Раздраженный нашим движением бизон кинулся на нас, а мы бросились наутек. Когда мы вернулись, мужчины начали смеяться, и я почувствовал себя совсем маленьким. Охотники снова окружили быка и я увидел, как в его бок глубоко вонзилась стрела - только оперение торчало из кровоточащей раны.

- Слезайте со своих лошадей, юноши, - велел мой дедушка. - Те, кто хладнокровен и быстр, смогут ударить этого быка по корню хвоста своим луком. Будьте осторожны и быстро отскакивайте. Юноше, ударившему бизона и не получившему ранений, будет засчитан «ку».

- Я первым спрыгнул с лошади и, наблюдая за быком, скинул рубаху и леггинсы, оставив их лежать у своих ног. Обнаженный, с луком в правой руке, я отступил от своих вещей, чувствуя, что может быть никогда их больше не увижу, и осторожно пошел к нему. Тогда мне уже было почти девять лет.

Бык увидел меня - человека без лошади! Казалось, он понял, что ему представилась возможность убить и начал рыть землю. Неожиданно он перестал бить копытом, замолчал, а затем пошел мне навстречу. Глаза его позеленели от ярости и боли, а из раны на боку, как я заметил, кровь текла уже не красная, а смешанная с чем-то желтым.

Я остановился и замер. Это, видимо, озадачило быка и он тоже остановился. Мы смотрели друг на друга, а солнце обжигало мою спину. Над рогами животного струился от земли горячий воздух, его бока вздымались, а из пасти сочилась кровь.

Я знал, что мужчины наблюдают за мной. Я чувствовал на себе их взгляды и должен был пойти вперед. Один шаг, два шага. Трава под моими ногами была густой и мягкой. Три шага. «Я Кроу. У меня сердце гризли», - сказал я себе. Еще три шага. И тут он бросился на меня!

Громкие возгласы пробились сквозь тучу пыли. Я ударил быка по корню хвоста! Но теперь я находился в большей опасности, чем прежде.

Еще два мальчика вышли навстречу бизону, но его интересовал только я и, развернувшись, он кинулся на меня. Бежать было глупо, и потому я стоял, как вкопанный и ждал. Бык остановился передо мной и замычал, раня из носа кровавую пену. Другие мальчики, видя в какой опасности я нахожусь, встали и не двигались. Животное находилось на расстоянии четырех луков от меня, и мое сердце билось, как военный барабан.

Два огромных серых волка пробежали сквозь кольцо всадников, как раз за моей спиной, но бык не заметил их, даже не повел глазом. Он видел только меня. Я начал уставать от напряженного наблюдения за ним и должен был что-то предпринять, как то заставить его пошевелиться. Я сделал шаг вправо. Бык атаковал мгновенно, но я увернулся и кинулся влево - прямо перед ним, а когда он промчался мимо, снова ударил его. На этот раз я побежал к всадникам и смешался с ними. На моей груди застыл комок кровавой пены. С меня было достаточно.

Когда Много Подвигов закончил, заговорил Койот Бежит:

- Я видел, как он сделал это, - проговорил он гордо. - Я моложе его, но я был там и видел, как Много Подвигов дважды ударил быка. Остальные мальчишки вообще ни разу не ударили.

Маленький симпатичный мальчонка - жизнерадостный, как бурундучок, но с одной здоровой рукой - подошел к вождю.

- Мясо готово, - произнес он и убежал в дом Много Подвигов.

- Говорящий Знаками, ты обратил внимание на этого маленького парнишку с одной здоровой рукой? - поворачиваясь ко мне, серьезно спросил старик.

- Да, - ответил я.

- Он родился таким. Времена изменились. Я никогда не видел ничего подобного в годы своей молодости. Позже, я расскажу тебе, почему такие вещи происходят сегодня с моим народом. Ты поешь со мной?